

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 947

М. В. Казьмина, В. А. Осипов

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР 1930-Х ГОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В отечественной историографии до второй половины 1980-х гг. утверждалось, что в 1930-е годы в СССР, благодаря реализации планов индустриализации и коллективизации, заложенных В.И. Лениным, а затем конкретизированных ВКП(б) на партийных форумах, в основном было построено социалистическое общество. В экономической сфере это означало, что утвердилось две основные формы собственности – государственная и колхозно-кооперативная.

Выявлялись источники индустриализации, ее необходимость и особенности; причины коллективизации, формы и этапы кооперирования. Практически все исследователи исходили из приоритета интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства. Проводилась грань между бедняками, середняками и кулаками. Политика ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации оправдывалась высокими целями строительства социализма.

Во второй половине 1980-х начинается переосмысление экономической политики в 30-е годы.

Сильные позиции сохранили сторонники формационной теории, исходившие из первоочередности развития материально-технической базы общества. Так А. Колесниченко и В. Лельчук [1, 307–314] подчеркивали основные звенья концепции социалистической индустриализации:

- победа Октябрьской революции создала условия для преодоления отставания советского государства от передовых промышленных держав;

- благодаря НЭПу возродилось сельское хозяйство, а промышленность подошла к довоенному уровню;

- весной 1929 г. XVI конференция ВКП(б) одобрила, а V съезд Советов утвердил основные направления пятилетнего плана;

- ведущим направлением первой пятилетки, выполненной досрочно, было новое строительство;

- тяжелая индустрия и производство средств производства были главными звенями индустриализации, хотя предпринимались меры для сочетания интересов всех сфер экономики;

- технико-экономическая отсталость СССР в результате политики индустриализации была преодолена и страна вышла на второе место в мире по объему промышленной продукции [1].

Однако среди сторонников формационной

теории уже в этот период появились критические высказывания. Их суть можно свести к противопоставлению ленинского плана строительства социализма практике его реализации Сталиным. Одним из первых в этом ключе высказался О. Лапис [2, 358–360]. Подвергнув критике крайности индустриализации, он обратил внимание на «сухой остаток» - достижения предвоенной экономики.

Одновременно стало набирать силу критическое направление, ориентированное на приоритет либеральных ценностей и преимущества рыночной экономики. Широкий резонанс вызвало обсуждение вопроса о целесообразности отказа от НЭПа и перехода к форсированной индустриализации. По мнению В. Попова и Н. Шмелева, слом нэповской модели был неоправданным [3, 300]. Этот критичный подход поддержал Г. Лисичкин [4, 264].

Сторонники цивилизационной теории высказались за объективную необходимость модернизации. Из этого постулата органично вытекали задачи: индустриализация, урбанизация, коллективизация и культурная революция. Многие отмечали отставание СССР, России от западных стран, угрозу возникновения войны, что в свою очередь, являлось основанием для более высоких темпов экономического развития.

Логика рассуждений С.Кара-Мурзы исходила из цивилизационного подхода. По его мнению, в 1920-1930-е годы в СССР стал складываться особый тип хозяйства и жизни людей. Это была разновидность хозяйства, присущего традиционным обществам. Различия между хозяйством традиционного общества и рыночной экономикой фундаментальны. Различна их антропология – представления о человеке, его теле и естественных правах. Для рыночной экономики нужен субъект. Ни в России, ни в СССР не произошло превращение общинного человека аграрной цивилизации в свободного индивида [5, 447].

Опираясь на эти постулаты, ученый писал: «Советская система хозяйства сложилась в своих основных чертах в процессе индустриализации, войны и послевоенного восстановления (30-50-е годы). Это эпоха так называемого мобилизационного социализма (иначе его называют «сталинизмом»)» [5, 448]. С. Кара-Мурза не возражал против утверждений, что первейшим признаком этого

хозяйства было огосударствление собственности. При этом он добавлял: личная собственность в СССР не только существовала и была узаконена, но и представляла значительную часть национального богатства и была вовлечена в хозяйство.

Советское общество строилось как семья, и отсюда вытекал принцип хозяйства – думать обо всей семье, производить не для прибыли, а для потребления и жить по средствам [5, 463].

Высокий теоретический уровень и оригинальность подхода характеризуют концепцию урбанизации А.С. Сенявского. Под урбанизацией он понимает территориальную концентрацию человеческой жизнедеятельности, ведущую к ее интенсификации и дифференциации, вплоть до выделения новых ее видов, обуславливающих формирование городских форм и пространственных структур расселения и распространения городского образа жизни [6, 35].

В свою очередь, урбанизационный переход характеризуется возрастанием удельного веса городского населения за счет сельского, распространением городского образа жизни, радикальными изменениями места и роли города в обществе, усиливающимся влиянием на деревню в техническом, технологическом, культурном отношении. В этом контексте урбанизационный переход тесно связан с понятием модернизации [6, 35].

В отличие от сторонников классической формационной теории, А.С. Сенявский убежден, что не материально-производственная база общества сама по себе, а именно социальные сдвиги, качество населения, оказывали определяющее влияние на исторический процесс, особенно в его переломные моменты (в условиях кризисов, войн, революций и т.п.). Урбанизационный переход учений характеризует как комплексный модернизационный процесс, включающий радикальное преобразование всех сторон общественной жизни на «городских» началах [6, 36].

Форсированная социалистическая индустриализация и урбанизация, утверждал А.С. Сенявский, стала в конце 1920-х – 1930-е годы функцией государства. Города (новые) оказались «приложенными» к предприятиям. Все финансирование городского жилищного строительства определялось централизованно и жестко привязывалось к нормативам промышленного строительства. Установились патерналистские отношения между государством – распределителем благ – и всем обществом, всеми гражданами. Главное, что предложила коммунистическая система советского образца, подчеркивает учений – это подчинение процесса предельно жесткому государственному регулированию в определенной идеологической упаковке [6, 116].

А.С. Сенявский отмечал: «...войдя в режим «форсированной индустриализации», советская система обеспечила высокую социальную мобильность, как «по горизонтали» (перемещение из села в город), так и «по вертикали» (рост социаль-

ного статуса, профессионального и квалификационного уровня, широкий доступ к получению образования, рост материального обеспечения и т.п.) [6, 75-76].

Он акцентирует внимание на неразрывную связь в истории советского общества «социалистической индустриализации», как процесса социально-экономического и урбанизации, как комплексного (экистического и социально-демографического) процесса [6, 83].

Применяя принцип дополнительности, ученый приходит к выводу: «тоталитаризм» оказался наиболее адекватной формой «урбанизационного перехода» России и это объясняет российский естественноисторический процесс [6, 76, 132].

В русле концепции модернизации написали работы В.А. Красильщиков [7], И.В. Побережников [8], Н.А. Прокурякова [9], Ю.А. Стецера [10], вышли сборники статей и учебные издания.

В историографии была предпринята попытка, синтетически соединить стадиальный анализ (частным случаем которого являются формационный подход и концепции модернизации) и цивилизационный подход. Авторы этой точки зрения признавали, что популярные метаконцепции, а также некоторые из работ «тоталитарной школы» отражают тот или иной срез исторической реальности, но не дают адекватного отражения и объяснения исторических реалий [6, 32].

Они утверждали, что важнейшей закономерностью исторического процесса с началом промышленной революции, оказалась непрерывная технологическая гонка. В индустриальную эпоху перед странами встает выбор – либо принять «правила игры», либо оказаться на периферии мирового прогресса.

В духе стадиальной теории высказана концепция о существовании в нашей стране в 1920-1930-е гг. государственного капитализма [11]. Так М.Д. Северянин усмотрел в советской экономике государственно-монополистический капитализм, идеологически окрашенный под социализм, а в партийном руководстве новую буржуазию [12].

В историографии было представлено направление, согласно которому советская история – это некое отклонение от «нормального» пути мирового развития, тупиковая ветвь человеческой истории. В крайних проявлениях такая точка зрения приводила к абсолютизации субъективного фактора, вплоть до сведения всего к злой воле лидеров большевиков.

В противоположность этому утверждению А. Н. Сахаров, А. С. Сенявский, С. Кара-Мурза считали, что модернизационный рывок был необходим, так как НЭП помогла восстановить довоенный уровень, но отставание от мировых лидеров нарастало. Без форсированного становления основ индустриального общества, Россия была обречена на полную беззащитность перед лицом очередного натиска с Запада. Проблема усугублялась отсутствием внешних источников финансирования [5, 448; 6, 110; 11].

Свою точку зрения относительно форсированного характера промышленных преобразований высказали Р. У. Дэвис и О. В. Хлевнюк. Они склонны объяснять это обстоятельство рядом причин: сложной международной обстановкой, опорой главным образом на внутренние ресурсы разоренной страны, наличием определенного политического режима и социально-культурных отношений. Но реальный сталинизм, считают историки, был «избыточно террористичен» [13, 165]. В обществе существовали и постоянно себя проявляли предпосылки для успешного функционирования более умеренной, менее террористической административно-командной системы.

Тему «политика и экономика советского государства», сформулированную Р. У. Дэвисом и О. В. Хлевнюком, удачно продолжил Н. А. Грик [14]. Центральное место в его работах занимает период 1921-1933 гг. Автор сосредоточил внимание на выявлении основных сторон процесса выработки, формирования, осуществления политики большевиков в области промышленности и взаимосвязи с аграрной, финансовой и торговой отраслями хозяйства.

В литературе нашло общее признание утверждение, что модернизация была тесно связана с упрочением власти «партии-государства» (вариант административно-командной системы) и единоличной власти Сталина. [15-19] Данный вывод поддержали И.В. Павлова, О.В.Хлевнюк, Л.А. Гордон, Э. В. Клопов, М. М. Горинов и др.

Западная историография оказала влияние на переосмысление оценки экономического развития страны в 1930-е гг. Среди зарубежных работ заслуженным авторитетом пользуется многотомная «История Советской России» Э. Х. Карра. Начиная с 70-х, над многотомным изданием «Индустриализация Советской России» работает Р. У. Дэвис, пытаясь дополнить анализ экономических проблем Э. Х. Карра. Важнейшими выводами Р. У. Дэвиса являются:

-советская экономика находилась под сильным влиянием идеологических установок, особенно сильно в первые годы индустриализации;

-экономическая система 30-х гг. не была стабильной, она по-своему эволюционировала и подчинялась как бы собственным законам;

-на экономическое развитие влияли географические и климатические факторы, неадекватно оцениваемые политиками [20, 212].

В 1933-1934 гг. появляется более взвешенное планирование. Р.У. Дэвис выделяет три официальных или полуофициальных «модели» экономической системы следовавшие друг за другом: «безденежная» или «продуктообменная» 1930 г.; «советской цены» (т.е. официально установленной) 1930-1931 гг.. С 1932 г. в модели экономики присутствуют деньги, хозрасчет, заработка плата, колхозная торговля по рыночным ценам. [20, 213]

Более радикальной оценки придерживается М.

Малиа. Он убежден: «...сталинскую перековку вряд ли можно назвать «модернизацией»: скорее мы имеем дело с крайней формой идеократической и партократической революции. На короткой дистанции эта революция сделала возможным колоссальный взлет базовой индустриализации, но отдаленными ее последствиями стали искалеченные в структурном плане общество и экономика» [21, 239]. М. Малиа считает целью индустриализации приведение российской действительности в соответствие с социологическими постулатами марксизма: подвести промышленную и пролетарскую «базу» под уже существующую «надстройку» в лице партии и тем самым сделать ее жизнеспособным инструментом построения социализма в России [21, 233]. Милитаризация, по его мнению, является характерной чертой советской экономической системы [21, 235].

Знакомство с оценками зарубежных исследователей активизировало дискуссию об экономической модели развития страны в 30-е гг. Исследователи рассуждали на предмет неизбежности модернизации, неоднородности экономической политики, а также допустимости других вариантов развития.

Н. А. Грик характеризовал 1930-1933 гг. как время острого экономического кризиса, когда все силы страны были брошены на быстрое создание тяжелой промышленности. В то же время он отмечал: «... в 1932-1933 г., не отступая от прежнего «генерального курса», сталинское руководство предприняло попытки с помощью административных рычагов навести порядок в бюджетной и финансовой сферах, восстановить хозрасчет. Однако эти шаги существенно ситуацию в экономике не изменили» [22, 49].

Значительное внимание историки уделили управлению ЭКОНОМИКОЙ. Большинство исследователей считают, что в 1930-е гг. сложилась команда система управления народным хозяйством, основывавшаяся на государственной собственности, научном планировании (или планировании) и централизованном ведении хозяйства. Руководство государственным сектором экономики осуществлял государственный аппарат [23].

По данным Р. У. Дэвиса, французский экономист Э. Замски на несколько лет раньше Г. Х. Попова и М. С. Горбачева охарактеризовал советскую экономику как «административную» или «административно-командную» [25].

А. М. Маркевич поддерживает точку зрения о том, что в 1930-е гг. сложилась команда система управления народным хозяйством, просуществовавшая более 50 лет, которая основывалась на государственной собственности, научном планировании и централизованном ведении хозяйства [26, 170]. В основу организации аппарата управления промышленностью были положены иерархический и функционально-отраслевой принципы.

Говоря о выше- и нижестоящих органах, А. М. Маркевич обращает внимание на их взаимодействие.

вие. К примеру, плановые задания принимались в результате длительного согласования между ними, аппарат управления подвергался частому реформированию. На этапе согласования плановых заданий нередки были столкновения между представителями ниже- и вышестоящих хозяйственных организаций. На эту особенность обращали внимание О. В. Хлевнюк и Р. У. Дэвис.

Важное обстоятельство отметили исследователи относительно противоречий экономической системы 1930-х гг. В результате ее постепенного «реформирования», а также действия объективных экономических реальностей в советском плановом хозяйстве существовали несколько рыночных или «квазирыночных» механизмов. Советская экономика была как товарно-денежной, так и натурально-планируемой. Это обстоятельство породило изыскания о НЕОНЭПе сталинских времен.

Историк И.Е Зеленин в статье «Был ли колхозный НЕОНЭП?» оценил долю приусадебного хозяйства в 1937 г. в объеме валовой продукции колхозного сектора. По картофелю и овощам она составляла 52,1%, по плодовым культурам – 56,6%, по молоку – 71,4%, по мясу – 70,9% [27]. После выполнения государственных планов колхозники и колхозы могли продавать свою продукцию на рынке, по ценам спроса и предложения.

Приоритет государства в экономике дополнялся горизонтальными отношениями между государственными предприятиями. Партийное руководство признавало значение личного материального интереса. В 1935-1937 гг. с отменой карточной системы поощряются сверхвысокие стахановские заработки [13, 148-149].

А. М. Маркевич пришел к выводу, что базовые черты советской командной экономики на протяжении 1930-х гг. оставались неизменными, но аппарат управления был подвержен частому реформированию. Постоянная реорганизация стала свойством системы [25, 171].

А.М. Маркевич установил: в 1930-е гг. был проведен целый комплекс реформ управления экономикой. В результате было сокращено количество функциональных подразделений наркоматов и главков. Сокращалось количество промежуточных инстанций между предприятием и центром, значительно возросло количество отраслевых наркоматов и главков [25, 175].

Действенность политики централизации А. М. Маркевич считает ограниченной, так как она не исключала проблем во взаимоотношениях выше и нижестоящих организаций, требовала дополнительных затрат на координацию работы многочисленных подразделений.

Со второй половины 1980-х гг. была пересмотрена оценка принятия и выполнения пятилетних планов. В литературе существуют две основные точки зрения относительно оценки первого пятилетнего плана. Согласно первой, план в целом был вполне реалистичным, несмотря на от-

дельные завышенные показатели и только вмешательство Сталина и его подвижников (вариант – вмешательство политики в экономику, сталинский волонтиаризм) привело к срыву заданий [26].

О. Лацис, не отрицая значения ленинского плана строительства социализма, приоритета классового подхода, одним из первых критично подошел к оценке выполнения первого пятилетнего плана. В противовес утвердившейся точке зрения, он заявил, что ход пятилетки был сорван в результате активного вмешательства политики в экономику [2, 358]. Он привел конкретные показатели, опровергнув вывод о досрочном выполнении плановых заданий.

Ходный взгляд обнаружил В. П. Данилов. Он привел данные об увеличении задания первого пятилетнего плана по выплавке чугуна с 10 млн. т. до 17 млн. т. Сталинский скачок в металлургии, убежден историк, равно как и в других отраслях, дезорганизовал промышленное строительство, крайне осложнит общую экономическую ситуацию и привел к напрасной растрате человеческих сил и материальных ресурсов. Например, Кузнецкий и Магнитогорский metallургические заводы вышли на проектную мощность только в 1934 -1936 гг.

По второй точке зрения, «...пятилетний план даже в том виде, какой он имел до вмешательства Сталина, лучше всего понимать как полет фантазии в духе технократического утопизма, порожденный реальными проблемами развития, стоявшими в то время перед Россией» [21, 232].

Являясь сторонником этого утверждения, М. Малиа, пришел к выводу, что в сталинской экономической системе сосуществовали планирование и деньги. Рынок присутствовал в виде легальных колхозных базаров и нелегального «черного рынка». Эта новая система была несовместима с мировой экономикой, поэтому рубль оставили неконвертируемым. На первом этапе изоляция дала то преимущество, что стало возможно усиление государственного контроля над всеми процессами во внутренней экономике. Но, загнав ничем не заменимые экономические силы в подполье, система ослабила собственную органическую основу, что приведет в последствии к распаду сталинской командной модели [21, 232].

Н.А. Грик доказал, что неумелое вмешательство вождей в народное хозяйство способствовали созданию директивной плановой системы. Сложился плановый фетишизм. Людей приучали бороться за темпы, качество, хлеб, молоко, сталь и проч. Борьба за план, считает учёный, укрепляла привычку людей к руководящим указаниям, к экономической пассивности [22, 49].

Серьезный шаг в детализации механизма принятия экономических решений 30-х гг. сделали Р. У. Дэвис и О. В. Хлевнюк. Согласившись, что высшей инстанцией в этом вопросе было Политбюро, они обратили внимание на ряд обстоятельств: относительное «разномыслие» в различ-

ных структурах партийно-государственного аппарата, прагматичные ведомственные интересы. Корректировка же «генеральной линии», приданье ей большей гибкости, происходили в результате сложного взаимоучета интересов и позиций различных государственных инстанций: хозяйственных наркоматов, Госплана, Наркомфина, руко-

водства правительства. Некоторую роль мог сыграть факт служебного положения человека, отстаивающего свою позицию (например, членство в Политбюро). Экономические амбиции второй половины 1930-х гг. укладывались в более жесткие и прагматичные рамки, чем это было в период «большого скачка» - считают исследователи [30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесниченко А., Лельчук В. Шаги индустриализации // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М.: Высшая школа, 1988.
2. Лацис О. Перелом // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М.: Высшая школа, 1988.
3. Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М.: Изд-во АПН, 1989;
4. Лисичкин Г. Мифы и реальность // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989..
5. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
6. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. -М.: Наука, 2003.
7. Красильников В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых цивилизаций. М., 1998;
8. Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы. Экономическая история. Обозрение. Вып.8, М., 2002;
9. Проскурякова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории, 2005, № 7;
10. Стенура Ю. А. Сталинская концепция модернизации российского общества // Голос минувшего, Краснодар, 2001, № 3,4,
11. Северянов М. Д. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Сибири 1921-1929 гг.: Автореф. ...д-ра ист. наук. Иркутск, 1994.
12. Северянов М. Д. Капитализм в Советской России 1917-1937 . Красноярск, 2001.
13. Дэвис Р. У. Хлевнюк О. В. Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т, т.1, М., 1997
14. Грик Н. А. Советская экономическая политика в 1921-1933 гг.: (Критический анализ). Томск, 2002;
15. Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001;
16. Хлевнюк О. В. 1937: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992;
17. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: исторические корни и результаты // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989;
18. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было. Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М.: 1989;
19. Горинов М. М. Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. - 1990. - № 11.
20. Дэвис Р. У. Анализ развития советской экономики в межвоенный период // Россия XIX-XX веков. Взгляд зарубежных историков. М.,1996.
21. Малина М. Советская трагедия, М., 2002.
22. Грик Н. А. Политика и экономика советского государства в 1921-1933 гг.: Критический анализ. Автореф. ...д-ра ист. наук. Томск, 2003.
23. Алексеев С. Е., Камынин В. Д. Исследователи о возрождении административно-командной системы управления промышленностью Урала на рубеже 1920-1930-х гг // Россия в XX в.: История и историография: Сб. науч. Ст. Екатеринбург, 2002.
24. Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 20-х - середина 30-х годов). СПб., 2002;
25. Дэвис Р. У. Великобритания и Соединенные Штаты: анализ развития советской экономики в межвоенный период // Россия XIX-XX в. Взгляд зарубежных историков. М.,1996.
26. Маркевич А. М. Управление советской промышленностью в 1930-е годы: внутренние противоречия и реформы // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. Т.2, М., 2002,
27. Зеленин И.Е. Был ли «колхозный НЕОНЭП?»// Отечественная история. – 1994. - № 2.
28. Вылицан М. А. Сталинский продуктообмен и товарное производство «особого рода» в 1930-е годы // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд. М., 2001..
29. Данилов В. П. Сталинизм и советское общество // Вопросы истории. – 2004. - № 2.
30. Дэвис Р. У. Хлевнюк О. В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. – 1994. - № 3.

Авторы статьи:

Казьмина
Маргарита Васильевна
– канд.истор. наук, доц.каф.истории
России КемГУ

Осипов
Виктор Алексеевич
– канд.истор. наук, доц. каф. отечествен-
ной истории, теории и истории культуры